

Несмотря на скверное состояние, наследник престола остаётся наследником престола, даже если он не в силах устоять на ногах.

Всего одно слово Юн Шаня — и слуги Дворца Наказаний бросились выполнять приказ с такой осторожностью, будто преступник, которого им было приказано привести, был по-настоящему опасен. Юн Ци был тут же сопровожден во дворец наследного принца.

Юн Шань лежал на постели, прикрыв глаза. Болезнь изматывала его, вынуждая уже который день оставаться в кровати.

— Ваше Высочество. — Чан Дэфу возник у изголовья кровати и, наклонившись к уху юного принца, тихо доложил: — Его Высочество Юн Ци прибыл.

Услышав слова евнуха, томившийся в ожидании Юн Шань распахнул глаза и повернулся к двери. Первым делом взгляд его остановился на паре синих сатиновых туфель, затем скользнул выше, на прикрытые одеждой ноги, на узкие бёдра и тонкую талию, облачённые в простую ткань, которую обычно использовали во дворце для пошива несложных костюмов для слуг. Материал одежды, в которую был облачен Юн Ци, не был дорогим, но на ощупь ткань была очень мягкой. Наконец взгляд Юн Шаня медленно поднялся до лица, которое навсегда запало ему в сердце. Только рассмотреть его не представлялось возможным — голова Юн Ци была опущена, а свой взор он устремил в пол. Иссиня-чёрная чёлка плотно закрывала ресницы, скрывая за собой тревоги и волнения молодого пленника, не давая наследному принцу понять, что именно чувствует его старший брат.

— Юн Ци.

Пристальный взгляд Юн Шаня давил.

Тот едва шелохнулся, услышав голос брата. Он продолжал стоять на месте, потупившись, однако даже с такого расстояния Юн Шань заметил, как лёгкая дрожь пробежала по телу старшего брата.

Губы юноши растянулись в улыбке, и он заговорил, придав голосу мягкости:

— Не надо бояться, старший брат. Подойди ко мне, я тебя не трону.

Юн Ци чувствовал себя кроликом, загнанным в угол шустрой лисицей. Ему, внезапно оказавшемуся в роскошном дворце наследного принца, было некуда отступить и негде спрятаться. Слушая слишком знакомый голос, юноша ощущал, как тело его каменеет, будто прирастает к полу. Каждый мускул находился в напряжении, обращая преступника в некое подобие древней статуи, которая не может шелохнуться ни в снегопад, ни в летнюю жару.

Чан Дэфу приблизился к Юн Ци, который и не думал двигаться с места, и с улыбкой заговорил:

— Ваше Высочество, наследный принц просит Вас подойти. Ну же, сделайте шаг к нему.

На этой фразе евнух умолк, однако, вопреки его воле, Юн Ци сделал крохотный шаг назад.

— Снова пытаешься отступить назад?

Юноши находились по разные стороны спальни, но, несмотря на расстояние между ними, слова Юн Шаня звучали так, будто были ледяными гвоздями, приковавшими застывшего на месте Юн Ци к полу.

Огонь в печи, словно ощутив неожиданно гнетущую атмосферу, не выдержал ледящего душу испуга — вспыхнул и погас. У него была возможность сбежать и было на это право, в отличие от присутствующих в спальне.

— Всё же не подойдёшь?

Юн Ци нехотя сделал шаг вперёд, понимая, что отступать всё равно некуда. Он медленно приблизился к постели брата и встал у изголовья, будто гвоздь, вбитый в пол.

Юн Шань не мог сдержать смешка и с каким-то беспомощным выражением произнёс:

— Вроде не женщина, а такой стеснительный.

Юн Шань оценивающе разглядывал Юн Ци. Лицо его было гладким, как полированная яшма, несмотря на пережитый испуг, но оно сохраняло ту бледность, которая стала для Юн Шаня уже совершенно привычной. Как давно он не видел здорового румянца на лице брата? Из-за бушующих на улице холодов, прежде чем покинуть Дворец Наказаний, Юн Ци позволил слугам укутать себя в меховую шубу, высокий воротник которой плотно закрывал шею первого и уже бывшего наследного принца.

— Рана на шее немного зажила? — спросил Юн Шань будничным тоном, словно не замечал, как сильно пугает Юн Ци одним лишь своим присутствием.

Юн Ци медленно кивнул, не поднимая взгляда выше носков собственных ботинок.

От такого поведения брата Юн Шань явно ощутил, как вспышка гнева вновь ослепила его душу. Нахмурившись, он раздражённо спросил:

— Ты потерял способность говорить? — осведомился принц, даже не думая о том, что подобный тон может ещё сильнее испортить между ними отношения. — Можешь сказать мне хоть слово?

Гнев Юн Шаня заставил Юн Ци побледнеть ещё сильнее, да так, что тот не решился более сопротивляться, и, разомкнув губы, от которых отошла кровь, тихо пролепетал:

— Зажила.

Возможно, из-за ожога, что мог прийтись на гортань, или из-за холодного ветра мелодичный голос Юн Ци сейчас звучал хрипло, будто его обладатель получил рану страшнее, чем была теперь у наследного принца.

Сначала Юн Шань хотел вновь рассердиться на юношу, но, услышав его голос, в растерянности замер и невольно смягчился. Его лицо как-то преобразилось, и принц перестал хмуриться, попытавшись вернуть голосу прежнее тепло:

— Подойди ко мне, я хочу взглянуть на неё.

Юн Ци колебался, но ближе не подходил. Он украдкой посмотрел на Юн Шаня, который через несколько минут ожидания вновь потерял терпение, когда понял, что его желание не собираются исполнять. Наследный принц снова нахмурился, сведя недовольно густые брови к переносице. Скрепя сердце, Юн Ци сделал несколько робких шагов в сторону кровати брата, и, опустившись на её край, развязал нити меховой шубы.

Юн Шань не без труда сменил своё положение с полулежачего на сидячее, чтобы получше рассмотреть рану на шее Юн Ци.

Увидев это, Чан Дэфу тут же поспешил напомнить:

— Ваше Высочество, будьте осторожны, Вам не следует напрягаться. — И, подойдя к Юн Шаню, с особенной осторожностью помог ему устроиться удобнее на мягкой постели.

Юн Шань не обратил на евнуха никакого внимания — его взгляд, отливающий синевой, был сосредоточен исключительно на шее Юн Ци.

К счастью, жезл, которым Юн Шань по неосторожности обжёг брата, не был специальным орудием пыток, потому кожа Юн Ци не была обожжена слишком сильно, и рана не представлялась слишком серьёзной. С помощью целебных императорских мазей, которые наносили на рану в течение нескольких дней, большая её часть уже зажила. Место ожога стало чуть краснее, чем цвет кожи вокруг, а по краю ожога была видна тонкая линия, будто кто-то нарисовал едва заметный след в форме цветка.

— Ещё болит?

Юн Ци так и не осмелился посмотреть брату в глаза, лишь свесил голову и тихо ответил:

— Сейчас не болит.

Нехорошо лгать. Конечно же, она болит.

Сердце Юн Шаня сжалось в комок от этой мысли, однако сам юноша не пожелал проявлять никаких эмоций. Отведя взгляд в сторону, Юн Шань стиснул зубы и с холодной усмешкой сказал:

— Я знаю, что она всё ещё болит. А впредь запомни: не нужно демонстрировать мне своё превосходство и делать вид, будто враждебно ко мне настроен.

Раньше Юн Шань говорил эти слова для запугивания, и всякий раз от его строгого голоса Юн Ци пробивала холодная дрожь. Этот раз не стал исключением.

Уловив дрожь старшего брата, Юн Шань ощутил одновременно и лёгкую возбуждающую волну, прошедшую по телу, и укол жалости. Вытянув руку, он коснулся здоровой стороны чужой шеи.

От неожиданного прикосновения Юн Ци вздрогнул.

Юн Шань тут же помрачнел:

— Тебе недостаточно одного ожога, и ты хочешь обзавестись ещё несколькими? Даже во дворце наследного принца найдётся несколько орудий пыток.

Юн Ци никак не мог унять дрожь в теле. Он понимал, что, по сути, является лёгкой добычей из-за собственной слабости и отсутствия какой-то внутренней моральной силы, поэтому всё, что ему остаётся — сидеть смиренно, позволяя Юн Шаню прикасаться к своей шее и гладить её так, как ему хочется.

Густые ресницы опустились, прикрыв полные тревоги чёрные глаза. Юн Шань заскользил кончиками пальцев по шее брата, время от времени царапая её, будто наказывая того за его упрямство. Ресницы Юн Ци затрепетали, а слеза так и норовила сорваться с них и скатиться по щеке, обжигая кожу юноши.

Юн Шаня лишь забавляли эти прикосновения, которые казались ему совершенно безобидными, однако он так и не увидел слёз Юн Ци.

Насладившись вдоволь этой забавой, Юн Шань почувствовал, что она благотворно повлияла на его настроение, и он вновь спросил брата:

— Ты боишься меня?

Юн Ци еле заметно кивнул и тут же ощутил, как пальцы, которые до этого гладили его шею, резко замерли. Юноша понял, что это скверный знак, и поспешно замотал головой, противореча теперь самому себе.

— Незачем так бояться, — натянуто улыбнулся Юн Шань. — И дрожать тоже не стоит, — добавил он всё с той же улыбкой. — Лучше пусть тебя боятся, чем смеются над тобой [1]. Ты боишься, и меня это только радует. Всё это время ты, несомненно, был более сдержанным, чем если бы я давал тебе полную свободу.

Кончик пальца вновь заскользил по шее, но на этот раз двинулся выше, миновал подбородок и остановился на губах Юн Ци, мягко поглаживая их, а через мгновение, с силой надавив, пробрался юноше в рот.

Стоило только Юн Шаню совершить подобное, как Юн Ци сразу нахмурился от неприятных ощущений, вызванных чужим прикосновением.

— Перестань просто держать пальцы во рту. Где твой язык? Не прячь, полижи языком, — надменно приказал Юн Шань.

Юн Ци не решился укунить его и снова с неохотой лизнул. Держа палец старшего брата во рту, юноша незначительно качнул головой. Подняв тёплые и влажные глаза, Юн Ци, напоминая молодого оленёнка, как будто бы умолял взглядом прекратить это унижение.

Охваченный слабостью Юн Шань вскоре почувствовал уже привычную усталость из-за болезни и, внезапно ощутив, что подобное издевательство на самом деле довольно скучное и неинтересное, несколько смущённо вытащил пальцы и, медленно поддаваясь назад, лёг обратно в кровать на мягкую подушку.

Облокотившись спиной на подушку, что подложил ему Чан Дэфу, Юн Шань только сейчас почувствовал себя спокойнее, а затем шёпотом произнёс:

— Сегодня я не буду ставить тебя в затруднительное положение. Но и тебе тоже нужно иметь немного совести и отнестись ко мне с добротой. Я хочу пить, подай мне горячего чая.

Чан Дэфу, будучи человеком далеко не глупым, быстро сообразил, что происходит и спешно отправился заваривать чай, а когда все было готово, поднёс пиалу с горячим чаем и опустил её перед Юн Ци, который вдруг замер и в оцепенении посмотрел на чашку чая.

— Ваше Высочество, скорее берите, — поторопил Чан Дэфу, — наследник престола желает утолить жажду.

Юн Шань смотрел лишь на Юн Ци и, видя, что тот сидит неподвижно, будто испуганный заяц, тоже ощутил вдруг некую подавленность.

— Ладно, — с горькой улыбкой сказал Юн Шань, — где тот, кто ухаживает за мной? Чан Дэфу, дай мне утолить жажду.

Чан Дэфу быстро отозвался, собираясь выполнить волю господина, однако в этот момент сбоку вытянулись белые нефритовые руки, держа в пальцах пиалу с чаем.

В глазах Юн Шаня отразилось невольное удивление.

Юн Ци держал пиалу, однако всё ещё был в нерешительности. Подняв нерешительный взгляд, юноша вновь посмотрел на Юн Шаня.

Юн Шань не смог удержаться и с улыбкой спросил:

— Всё-таки ты хочешь меня напоить?

В эту секунду решение Юн Ци тут же показалось ему невыполнимым, и в итоге он всё же вновь вернул пиалу в руки Чан Дэфу и склонил голову, так и не произнеся ни слова.

На лице Юн Шаня вновь отразилось удивление, словно Юн Ци только что отвесил ему пощёчину. Частично Юн Шань злился, частично был огорчён, однако, внимательно прислушавшись к себе, он ощутил, как в глубине души засело лёгкое разочарование.

Он посмотрел на Юн Ци взглядом хищной птицы, но после мало-помалу смягчился и, вопреки ожиданиям, снисходительно приподнялся и со вздохом произнёс:

— Я не хочу, чтобы ты подавал мне чай и воду. Лучше сегодня вечером составь мне компанию за ужином. — После сказанного юноша медленно откинулся назад.

Чан Дэфу, понимая, что Его Высочество устал, подошёл к нему и помог прилечь.

Юн Шань открыл глаза и, поглядев на сидящего у изголовья Юн Ци, приказал Чан Дэфу:

— Не нужно его выпускать из этой дворца. Мы с ним почти одинакового роста, найди у меня пару новых нарядов для выхода, выбери светлые тона, не нужно слишком ярких, и дай их Его Высочеству Юн Ци, чтобы переодеться.

Каждый раз, как Юн Шань произносил любой приказ, Чан Дэфу сразу же с благоговейной душой отзывался и говорил «слушаюсь».

— Если вечером Его Высочество Юн Ци составит Вам компанию, и вы будете вместе есть, где будет проходить ваш ужин? В большой императорской кухне или в малой зале? Мы не знаем,

какие вкусы у Его Высочества Юн Ци.

Юн Шань косо поглядел на Юн Ци.

Поначалу Юн Ци сидел тихо, стараясь не обращать на себя внимание, но, вновь заметив на себе взгляд Юн Шаня, непроизвольно слегка сжался, будто боясь, что его снова могут изувечить.

Юн Шань с досадой фыркнул:

— Неважно, что он любит, просто приготовьте множество разных овощных блюд. Ещё посмотрите, где можно достать бамбуковые побеги и дофу. Пусть повара приготовят пару хризантемовых пирожных [2], что делают в столице Жун Сян, и запомни, самое главное, чтобы они были свежими, а не такими, которые сделали пару часов назад. Среди зимы мясные блюда тоже нужно есть, но они должны быть лёгкими. Возьми шпинат, смешай с строганым куриным мясом...

И он, не задумываясь, сразу назвал несколько блюд, которые в былые дни любили подавать во дворце Юн Ци.

Говоря о любимых блюдах старшего брата, Юн Шань внимательно смотрел на Юн Ци, только вот сам юноша ощущал себя глупо, словно какой-то скотиной. Одной крупинки не хватит, чтоб разбить сердце. Он снова любил и снова ненавидел. В конце концов юноша начал скрежетать зубами.

Дав все распоряжения Чан Дэфу, внезапно Юн Шань вытянул руку и резко потянул Юн Ци за запястье.

— Пообещай мне, что будешь сидеть на краю моей кровати, и если я проснусь, но тебя не будет рядом, пеняй на себя.

Увидев страх на лице Юн Ци и поняв, что старший брат не осмелится сбежать, Юн Шань закрыл глаза и удовлетворённо погрузился в сон.

Когда он заснул, вопреки ожиданиям его сон был слаще и продолжительнее, чем любая дрёма, которая одолевала его с момента ранения.

Юн Шань прекрасно выспался и чувствовал себя необыкновенно хорошо. Медленно приоткрыв глаза, Юн Шань увидел лицо задумчивого Юн Ци, который сидел рядом, свесив голову. В душе Юн Шань страшно обрадовался. Посмотрев в окно и увидев, что тёмная ночь уже окутала собой небо, Юн Шань, с досадой ахнув, резко уселся в кровати.

Не заметив сразу, что Юн Шань проснулся, Юн Ци испугался и, рефлекторно поднявшись на

ноги, пристально поглядел на него, не понимая, что за безумие снова нашло на капризного младшего брата.

Чан Дэфу тоже испугался досадного оханья Юн Шаня и, спешно подскочив к юноше, с осторожностью спросил:

— Ваше Высочество, что случилось? Есть ли какие-нибудь приказания?

[1] Эта фраза частично отсылает к книге Макиавелли. Цитата из 17-ой главы «Государя» Никколо Макиавелли: «Может возникнуть спор, что лучше: чтобы государя любили или чтобы его боялись. Говорят, что лучше всего, когда боятся и любят одновременно; однако любовь плохо уживается со страхом, поэтому если уж приходится выбирать, то надежнее выбрать страх».

[2] В оригинале «цветочные бисквиты» — пирожное к празднику Чуньянцзе, что в переводе означает «праздник двойной девятки».

<http://bllate.org/book/13372/1189553>